

КЛАССИКА ЭРОТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
ЭММАНУЭЛЬ АРСАН

Э М М А Н У Э Л Ь А Р С А Н

ЭММАНУЭЛЬ

ТАНЦОВЩИЦА
С БУЛЬВАРА
СЕН-ЖЕРМЕН

EMMANUELLE ARSAN

EMMANUELLE

LE DEBUTS DANS LA VIE

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
А85

Emmanuelle Arsan
LES DEBUTS DANS LA VIE

LES DEBUTS DANS LA VIE © Belfond, un département de
Place des Editeurs, 2014

Перевод с французского *С. Нечаева*

Художественное оформление *П. Петрова*

Арсан, Эммануэль.
А85 Эммануэль. Танцовщица с бульвара Сен-Жермен / Эммануэль Арсан ; [пер. с фр. С. Ю. Нечаева]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 224 с. — (Классика эротической прозы).

ISBN 978-5-699-85762-3

Милая и застенчивая Жад невысокого мнения о мужчинах. Как жаль! Ведь она вызывает у них восхищение. Эта танцовщица с гибким податливым телом буквально создана для любви.

Ролан, страстный коллекционер произведений искусства, уверен, что Жад должна быть жемчужиной его коллекции. Но Жад готова дарить любовь только в обмен на полное подчинение. Сумеет ли Ролан завоевать своенравную танцовщицу?

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Нечаев С., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016
ISBN 978-5-699-85762-3

/

Манцовщица приблизилась к авансцене, и Ролан смог разглядеть ее лицо. Она улыбалась: выступающие скулы, мелкие зубы, миндалевидные глаза, сияющие на загримированном лице, — настоящая кошка, играющая в летний полдень на улице.

«Это то, что надо», — подумал он.

Ролан подумал, что интуиция его не подвела, когда он вдруг решил зайти в это кабаре на Левом берегу, где он до этого никогда не бывал. Он бродил один по бульвару Сен-Жермен, когда вдруг случайно увидел афишу. На ней была изображена практически обнаженная женщина: выгнутая спина, высоко поднятая грудь, блестящие стринги со стразами и блестками, на голове — высокий парик с зелеными перьями и лентами из фольги. Ее руки и ноги были длинными и стройными, а талия — настолько узкой, что изящные бедра по сравнению с ней казались довольно внушительными.

«Танагра»¹, — подумал он. Затем он подошел и прочитал имя танцовщицы — «Жад»², его любимый камень...

Через несколько минут он уже сидел в первом ряду и потягивал «Дом Периньон» 1979 года. Сцена была совсем близко, так что он мог рассматривать Жад очень внимательно. Он заметил ее раздувающиеся ноздри, круглую и упругую грудь, мышцы, рельефно выступающие при каждом движении ее янтарного тела.

«Дега, дающий жизнь бронзе, украшение коллекции...» — повторял он, настолько поглощенный созерцанием прекрасного тела молодой женщины, что остальная часть шоу словно и не существовала.

Когда музыка отзвучала, Жад исчезла за кулисами. Ролан встряхнулся, как будто освободился

¹ Танагрские статуэтки — наиболее распространенный тип древнегреческих терракотовых статуэток. Центром их производства был город Танагра, а оттуда они расходились по всему Средиземноморью. Терракотовые фигурки высотой 10–12 см покрывали прозрачной глазурью с примесью окиси металла и после обжига раскрашивали акварелью. Основная масса статуэток была обнаружена во время проходивших в 1874 году в Танагре раскопок гробниц, датируемых III — I вв. до н.э. Популярность этих статуэток породила целую индустрию подделок. (*Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.*)

² Жад (Jade) — общее название зеленых по цвету минералов жадеита и нефрита. Название происходит от испанского «*pedra de ijada*» (поясничный камень). Оно было дано испанцами при покорении Америки в связи с приписываемыми камню свойствами талисмана, излечивающего почечные болезни.

из сонного плена. Он взял свой «Монблан» и написал несколько слов изящным и решительным почерком на своей визитной карточке. Затем достал из кармана небольшой нефритовый кулон, который сегодня утром отказался продать антиквару. Он полюбовался им в последний раз, но без сожаления. Красота должна служить красоте. Он положил карточку и кулон в маленький коричневый кожаный мешочек и подозвал официанта.

— Не могли бы вы передать это в гримерку Жад? — спросил он уверенным тоном человека, привыкшего к тому, что ему повинуются.

* * *

Жад с тюрбаном из яркой хлопковой ткани заканчивала отчищать свое тело от тяжелого грима, который полностью покрывал ее. Она тщательно удаляла его и наносила на себя крем. Ее мягкая и золотистая кожа сверкала в резком свете гримерки.

— Это для вас, — воскликнула костюмерша, бросив небольшую посылку на комод.

— И почему никто ничего не посылает мне? — простонал из соседней комнаты Кристиан, звезда танцовщик.

Жад улыбнулась и закончила массировать свой твердый и плоский живот. Она схватила маленький кожаный мешочек, который лежал среди баночек с гримом, развязала кончиками ногтей ремешок и вытащила оттуда маленького кота из зеленого камня. Резчик лаконичными штрихами изобразил на полированной поверхности длин-

ные миндалевидные кошачьи глаза и заостренную, весьма колоритную, мордочку.

Жад взяла визитную карточку и прочитала: «Ролан Персье, покупка и продажа произведений искусства». На обратной стороне визитки было написано всего несколько слов — «Я буду ждать в баре». Жад сочла такое приглашение слишком бесцеремонным, но вынуждена была признать, что ее привлекает столь прямой и авторитарный тон сообщения. Она вдруг подумала об отце, которого она даже не знала и который поэтому никогда ничего от нее и не требовал.

Она внимательно изучила аккуратный почерк. Человек использовал, как и она, настоящую чернильную ручку. «Это кто-то, для кого красивое важнее полезного», — подумала она. Это ей понравилось. И она пойдет в бар. А почему бы нет? А чем, собственно, она рискует? Более того, она должна вернуть этому незнакомцу фигурку кота. Впервые зритель послал ей не цветы или шоколадки, а что-то другое, и она не хотела принимать эту вещицу. Любой подарок требовал продолжения, а Жад не хотела быть никому обязанной.

Она посмотрела в зеркало на свое обнаженное тело. Ее грудь была упругой и пышной, талия — тонкой, бедра — стройными, а ноги — длинными. Немного мужских рук касалось ее тела. Хотя недавно случилась интрижка с хореографом, который овладел ею прямо в раздевалке танцевального зала, и она тогда думала лишь о том, чтобы не показать ни малейшей эмоции, а он торопился и был весьма неуклюж. Был еще Кристиан, который несколько раз доставал ее в душе и которому она

отдалась по расчету. Жад любила свое тело и знала о его власти. Оно давало ей небольшие роли, определенные привилегии и гарантировало контракты в нестабильной работе танцовщицы. Но вот желание, восторг и наслаждение Жад могла подарить себе только сама. Указательный палец касался бритого лобка и останавливался на маленькой возбужденной кнопке, упрятанной в области половых губ, которая буквально загоралась при одной только мысли о ласках. Палец нащупывал влажную пещеру и поднимался к клитору.

Жад задрожала всем телом и прислонилась к стене, в ужасе от мысли, что кто-то может толкнуть приоткрытую дверь и застать ее за мастурбацией. Возможно, что зеркало, висевшее перед ней, скрывало тихого наблюдателя, спрятавшегося в коридоре и следившего за движениями ее рук и бедер. Эта мысль не оставляла ее, пока она кончала, зажав руку между бедер и изогнув тело. Ей хотелось продолжить, но она решила довольствоваться хотя бы частичной удовлетворенностью. Девушка натянула джинсы и почувствовала на возбужденной коже грубую ткань. Она любила после ласк так разгуливать по городу, когда джинсы касались ее обнаженного и все еще возбужденного тела.

Она застегнула молнию и снова посмотрела на себя в зеркало. Затвердевшие соски, круглые и коричневые, выдавали ее состояние. Она осторожно потеряла их кончиком ногтя, а потом натянула большой бесформенный свитер и крепче затянула тюрбан, стягивавший волосы. Жад отправилась в бар, не надеясь, что ее там ждут.

Кристиан, опираясь на стойку бара, громко разговаривал с Софи, миниатюрной блондинкой, которую он пригласил выпить. «Он хочет, чтобы я ревновала... Напрасные старания», — подумала Жад, садясь вдалеке, в тускло освещенном углу, одна. И тут чья-то высокая фигура закрыла свет лампы.

— Вы пришли, — раздался серьезный и уверенный мужской голос.

Мужчина наклонился, чтобы выдвинуть кресло, и лампа осветила лоб Жад. Ее зеленые глаза сверкали.

— Я тут ненадолго. Я пришла лишь, чтобы...

— Меня зовут Ролан, — прервал ее мужчина. Он по-прежнему стоял против света, что делало его облик очень загадочным. — Вы азиатка, не так ли? И все же, ваши глаза...

— Мой отец был вьетнамцем, а мать — французка. Держите, я не могу оставить это у себя.

Жад протянула Ролану мешочек из коричневой кожи. Она пыталась в темноте разглядеть черты лица незнакомца, но сумела рассмотреть лишь его густые каштановые волосы и широкие плечи.

— Этот кот такой же зеленый, как и ваши глаза. Кстати, такой разрез глаз, как у вас, называют кошачьим. Этот кулон принадлежит вам.

— Я не принимаю подарков, — настаивала Жад, отмахнувшись рукой.

— Если вы не примите его, я отдам его первой же встречной. Например, этой блондинке в баре.

Жад опустила руку. О том, чтобы этот подарок достался Софи, и речи быть не могло. Его заслуживала только она, Жад. Софи была слабой танцовщицей. Возможно, она недолго посещала какие-то танцевальные классы, но это не имело ничего общего с практикой Жад. Она с детства занималась танцами: антраша, сиссоны, истертые розовыми атласными пуантами ноги, уроки классического танца, которым она была обязана таким безупречным владением своим телом, что никаких усилий со стороны заметно не было. Она положила кулон в мешочек.

— Вот и хорошо, — весело сказал Ролан. — Я приглашаю вас поужинать.

— Сейчас два часа ночи. Завтра в девять утра у меня репетиция.

— Тогда я вас провожу.

Жад согласилась. Она вдруг почувствовала, что очень устала и у нее просто нет сил сопротивляться.

Свежий воздух улицы оживил ее. Она посмотрела на Ролана и наконец-то смогла разглядеть его в свете желтой неоновой вывески кабаре. Высокий лоб, изрезанный тремя вертикальными морщинами, густые брови. Темные глаза пронизательно смотрели на нее. На худом лице выделялись сочные губы.

Жад почему-то смутилась. Ей показалось, что именно это лицо, красивое, властное и чувственное, она часто видела во сне и не могла забыть.

— Я живу по соседству, в седьмом округе, — сказала Жад. — Обычно я иду домой пешком.

— Возьмем такси.

В машине было тепло, и на мягких подушках сиденья Жад быстро потянуло в сон. Почти задремав, она услышала, как Ролан попросил водителя, чтобы тот повернул на левобережную набережную, к мосту Гренель. Она слабо запротестовала, заявив, что живет неподалеку, на улице де Бургонь.

— Обещаю вам, что на такси мы все-таки доедем быстрее, чем пешком, — со смехом ответил Ролан.

Он склонился над девушкой и медленно развязал ее красный тюрбан. Волосы Жад рассыпались по плечам, каскады густых прядей спустились до самой талии. Ролан начал перебирать струящиеся пряди, коснулся толстого шерстяного свитера, почувствовав, как затвердели соски Жад. Он просунул холодную руку под свитер, чтобы найти возбужденный сосок. Жад прикрыла глаза и позволила Ролану ласкать свою грудь. Другая рука мужчины коснулась ее живота, погладила его, а потом переместилась к промежности и дотронулась до клитора. Бедра Жад всколыхнулись.

— Сними джинсы, — приказал Ролан ей на ухо.

— Нет, оставьте меня, — возразила Жад, которая одновременно и хотела продолжения, и испытывала страх, что таксист все видит и слышит.

— Тогда поласкай меня, — попросил Ролан, расстегивая ремень.

— Нет, мне надо домой, — воскликнула Жад, все же надеясь, что Ролан будет настаивать на своем.

Несмотря на свой принцип не разрешать мужчинам дотрагиваться до своего тела, она почувствовала непреодолимое желание увидеть член Ролана и прикоснуться к нему.

— Ну что ж, хорошо, — сказал Ролан, поправляя ремень. — Улица де Бургонь, пожалуйста, — добавил он, повернувшись к водителю.

Он выпрямился, отодвинулся на другой край сиденья и оставался абсолютно отстраненным и холодным до тех пор, пока автомобиль не остановился у ворот дома, где жила Жад. Она хотела, чтобы он поцеловал ее или попросил о свидании, но Ролан просто пожелал ей спокойной ночи.

* * *

Уже в лифте Жад стала проклинать себя за свою чопорность. Ее тело, грудь, влагалище, ягодицы — все буквально требовало умелых ласк Ролана. Ей очень хотелось побыстрее лечь в кровать и удовлетворить себя, воображая мужские руки, ласкающие ее тело.

В холле внимание девушки сразу же привлекло четкое прямоугольное пятно на полинявших обоях. «Ничего себе, Милен продала Диаза»¹, — подумала она с сожалением, потому что ей очень нравился идиллический пейзаж, всегда украшавший эту стену. Квартира постепенно теряла свое убранство, ведь нужно было оплачивать задолжен-

¹ Диаз, Диас де ла Пенья Нарсис Виржилъ (1808 — 1876), французский художник-пейзажист. (Прим. ред.)

ность банку. Да и сама Жад каждую ночь раздевалась перед публикой, чтобы поддерживать свою мать, все еще молодую и красивую, но такую безответственную.

Из гостиной послышался смех, и Жад бесшумно проскользнула в свою комнату. Милен была не одна. Обычно присутствие мужчины рядом с матерью ее раздражало. Ей было обидно за своего отца, который, возможно, все еще жив, находясь в лагере для военнопленных. Девушке хотелось бы, чтобы память об отце уважали, сожалея о его отсутствии. Но сегодня желание, которое она испытала, находясь с Роланом, сделало ее снисходительной по отношению к собственной матери. Она вдруг поняла состояние Милен, чей любимый муж не вернулся из Вьетнама, поняла страдания неудовлетворенной плоти, поняла требования молодого и чувственного тела.

Ролану должно было быть около сорока. Жад разделась, думая о нем и о его словах. Увидит ли она его снова? Она явно нуждалась в этом человеке.

Девушка сначала сняла свитер, потом туфли и, наконец, джинсы. Потом села на край кровати и увидела свое отражение в зеркале шкафа. Вот такой ее должен был увидеть Ролан — без одежды и макияжа, с распущенными волосами, доступную и уязвимую. Она медленно раздвинула ноги и положила руку на мягкий и гладкий лобок. Клитор возбуждился. Жад обнажила его двумя пальцами и посмотрела на его отражение в зеркале, а потом начала делать то, что совсем недавно не позволила Ролану.

И тут раздался стук в дверь, и ее мать вошла в комнату, не дождавшись ответа. Покраснев от стыда, Жад резко выпрямилась.

— Чем это ты занимаешься? Голая... А у меня гости, — произнесла мать.

На ней было длинное атласное negligé, скользившее по бедрам и обнажавшее половину груди.

— Но это моя комната, — ответила Жад.

— Ты вернулась позже, чем обычно. Почему?

— Я уже не маленькая девочка.

— Осторожно, Жад. В твоей работе нужно уметь соблюдать дистанцию. Ты же не хочешь закончить на улицах Марселя?

Жад пожала плечами. Милен навязывала дочери правила, которые сама никогда не соблюдала. Она всегда без колебаний пускалась в самые опасные приключения и даже находила в этом удовольствие.

— Милен! — позвал мужской голос с другого конца квартиры, а потом раздался громкий женский смех.

«Их трое», — с сожалением констатировала Жад, когда мать, улыбаясь и покачивая бедрами, вышла из комнаты и отправилась к гостям.

Жад подождала немного и подошла, по-прежнему обнаженная, к стеклянной двери в гостиную. Из темного коридора она увидела угол комнаты. Там были заметны три тени, две из которых стояли, а третья опустилась на колени. Ритмичные движения рук и головы недвусмысленно доказывали, что все трое занимаются любовью. Жад приложила ухо к стеклу, засунув руку себе между бедер, и в это время услышала, как кончает ее мать.